

DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-1-2-14-25

УДК 82.09

ББК 83.3

ФИЛОЛОГИЯ VS ФИЛОСОФИЯ? В ПОИСКАХ ВЫХОДА ИЗ ТУПИКА ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

© 2016 г. В. В. Полонский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 10 августа 2016 г.

Аннотация: Автор статьи констатирует, что интерпретация текста стала ведущим элементом познавательного инструментария гуманитарных наук в XX в. в результате конфликтной интерференции методов филологии и философии. С 1960-х гг. по настоящее время в литературоведении неизменно совершаются попытки противостоять экспансии интерпретационных моделей, во многом построенных на субъективно-идеологических спекуляциях и переносе в науку о словесности аналитического аппарата иных дисциплин. Применительно к вопросу о толковании слова и текста в работе дается обобщенный исторический экскурс в динамику отношений между филологией и философией — их идущей от платонизма родственной враждебности и немирной взаимозависимости. Демонстрируется колебание маятника между «филологизацией философии» и «философизацией филологии» от А. Ф. Вольфа, Ф. Шлегеля и Ф. Шлейермахера до Ф. Ницше и М. Хайдеггера. Характеризуя нынешнюю ситуацию кризиса в теоретическом осмыслении проблем интерпретации, исследователь заключает, что выход из него для современного академического литературоведения может состоять в принципе практического консерватизма и методологической редукции: для работы в фундаментальных филологических жанрах (история литературы, текстология, подготовка научных изданий сочинений классиков, составление литературных летописей, исследования поэтики текста и т. п.) полезным способен оказаться отказ от поисков новых путей интерпретации и верность тем подходам, что были предложены в классической филологической науке XIX в. Тем самым может быть преодолено средостение между филологией и философией, которая, в свою очередь, сегодня все очевиднее переориентируется с интерпретации как формы актуального высказывания на жанр комментария былого наследия.

Ключевые слова: интерпретация, филология и философия, герменевтика, комментарий.

Информация об авторе: Вадим Владимирович Полонский — доктор филологических наук, профессор РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: v.polonski@mail.ru

PHILOLOGY VS PHILOSOPHY? IN SEARCH OF THE EXIT FROM THE INTERPRETATIVE DEAD END

Vadim V. Polonsky

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: August 10, 2016

Abstract: The author claims that interpretation has become a key element among epistemological tools of the 20th Century humanities as the result of conflicting interference of philological and philosophical methods. Since the 1960s, there have been attempts in literary studies to resist the expansion of interpretative models that often bear on subjective and ideological speculations and borrow from the methodology of other disciplines. The essay gives a generalized historical insight into the dynamics of interrelation between philology and philosophy in the light of the interpretation problem, highlighting kin hostility and tense interdependence of these two disciplines deriving from Platonism. It demonstrates the swing of the pendulum between “philologization of philosophy” and “philosophication of philology” from Wolf, Friedrich Schlegel, and Schleiermacher to Nietzsche and Heidegger. Describing the current crisis in the theories of interpretation, the author argues that academic literary studies may overcome this crisis by following the principle of practical conservatism and methodological reduction. Working in fundamental philological genres (literary history, textology, preparing edited academic collections of classical works, biographical studies, the study of textual poetics, etc.), scholars would benefit from abandoning further search for new interpretative strategies and adhering to those methods that were already developed within the tenets of the classic 19th Century philology. This way, it would be possible to overcome the current overlapping between philology and philosophy that, in its turn, more and more conspicuously reorients itself from interpretation as a form of actual statement towards a genre of commentary on the heritage of the past.

Keywords: interpretation, philology and philosophy, hermeneutics, commentary.

Information about the author: Vadim V. Polonsky, DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia v.polonski@mail.ru

В конце XIX столетия Ницше в трактате «Воля к власти» произнес знаменитые слова: «фактов не существует, а <есть> только интерпретации» [2, с. 281]. Конечно, прежде всего за этой максимой крылся суд «переоценивающего все ценности» глашатая кризисной эпохи над многовековой постсократической культурой, отрешившейся от мифологически-цельного мышления в пользу критического сознания. Но тот же афоризм оказался исполненным прогностической силы, как бы обращенным в будущее — к зигзагам познавательного

инструментария гуманитаристики XX в. Ведущим элементом этого инструментария стала именно интерпретация — как поле контакта двух благородных «наук о духе»: филологии и философии. Конфликтный, а порой даже и взрывоопасный потенциал этого контакта неоднократно становился предметом рефлексий по обе стороны междисциплинарной границы. «Не интерпретация ли “поссорила” филологов и философов, перекочевав в минувшем столетии из филологии в философию?» — задается закономерным вопросом В.Л. Махлин [3, с. 547]. Ведь «после Хайдеггера и Витгенштейна, после Гадамера и Деррида философия стала “интерпретацией”» [3, с. 554], заодно позаимствовав у филологии и понятийный аппарат («дискурс», «нарратив» и пр.), и металингвистические стратегии как путь к ответам на внутридисциплинарные вопрошания через проникновение в «природу языка».

Именно филологи оказывались наиболее чуткими и верными наследниками ницшеанского восстания против интерпретации и ее потуг превозмочь факт, подточить реальность, которая предстает как бы несамодостаточной, требующей перетолкования, не располагающей к доверию в своей внешне явленной очевидности. И вполне закономерен тот очередной бунт, который, скажем, в 1966 г. подняла в своей статье «Против интерпретаций» Сьюзен Зонтаг: «Ныне как раз такое время, когда интерпретация по большей части — занятие реакционное и удушающее <...> В культуре, подорванной классическим уже разладом — гипертрофией интеллекта за счет энергии и чувственной полноты, — интерпретация — это месть интеллекта искусству <...> Истолковывать — значит обеднять, иссушать мир ради того, чтобы учредить призрачный мир “смыслов”. Превратить мир в *эту* мир <...> Мир, наш мир и без того достаточно обеднен, обескровлен. Долой всяческие его дубликаты, покуда не научимся непосредственнее воспринимать то, что нам дано» [1, с. 13].

Бравурная радикальность этого призыва, конечно, во многом рождена тем же революционным духом западной интеллектуальной среды «эпохи 1968 года», что, провозгласив «смерть автора», и породил агрессивный интерпретационный натиск. В эпоху революций реакция неизменно заимствует якобинский стиль. Но сама по себе отповедь экспансионизму интерпретаций до сих пор находит резонанс в кабинетах академических ученых-филологов — и остается вполне актуальной. Об этом, в частности, свидетельствует недавняя публикация статьи вице-президента Китайской академии общественных наук Чжана Цзяна «О насильственной интерпретации» [4] и развернувшиеся вокруг нее дискуссии¹.

¹ Эта работа вызвала оживленную реакцию в профессиональной среде, и ее проблематика была вынесена в центр обсуждения на организованной в июне 2015 г.

Вопрос, поставленный в статье китайского ученого, прежде всего вырастает из реалий западной литературной критики последних десятилетий, в которой, по его словам, едва ли не доминирует «явный, намеренный отрыв от исторической традиции, отрицание достоинств других литературоведческих школ, шараханье из одной крайности в другую, пренебрежение практикой литературы, догматизм» [4, с. 144]. Именуя этот феномен «насильственной интерпретацией», исследователь подробно характеризует ее признаки и изъяны. В общем и целом они коренятся, с его точки зрения, в двух методологических предпосылках. Во-первых, в априорном подведении интерпретатором «к заключению, всецело отвечающему его субъективным намерениям» [4, с. 144], и, во-вторых, в использовании моделей анализа, заимствованных из других наук и областей знания, — моделей, которые академик Чжан Цзян именует «внеполевыми теориями» [4, с. 145–146].

При всей своей нынешней злободневности проблема соотношения интерпретационных стратегий, исходящих изнутри и извне собственно литературного явления, относится к числу вечных и непрестанно дискутируемых в филологической науке. Для осознания ее смысловой перспективы, думается, полезно было бы обратиться к истокам, генезису филологического знания. И здесь мы должны прежде всего оговорить, что в данной небольшой работе попытка обобщенно сделать это осуществляется исключительно на материале европейского литературно-критического наследия. Наша некомпетентность в крупнейших многовековых восточных традициях поэтики — китайской, санскритской, арабской — заставляет ограничиться лишь западным ареалом, включающим и Россию. Однако, полагаем, это оправдано еще и тем, что именно в нем сложились и утвердились те практики интерпретации, против которых восстают современные исследователи — в том числе и на Востоке — и которые в то же время, несомненно, имеют сегодня глобальное измерение.

* * *

Уже у истоков европейской критики — в наследии Платона — заложена глубокая двойственность и программная парадоксальность отношения к поэзии и искусствам со стороны внеположенного им рефлектирующего теоретического знания. Здесь впервые фиксируется философский взгляд на искусство слова, который по сути конструирует филологическое задание как *иное* по отношению к себе. В данном случае примечательны две вещи. Во-первых, внешний

в Москве силами редакций журналов «Китайские общественные науки» и «Октябрь», Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН и Библиотеки русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева» международной научной конференции «Литературная критика Востока и Запада сегодня и завтра».

парадокс: в «Государстве» Платон безусловно бичует искусство как «отражение отражения», но при этом в диалоге «Ион» устами Сократа разворачивает апологию поэзии как пифического феномена, где поэт в состоянии мистической восхищенности, экстаза выступает в роли пассивного транслятора сакрального послания богов и муз. И здесь же впервые теоретическая европейская мысль высказывается о том, что есть интерпретация. Размышляя о рапсодах, певцах-сказителях, передающих поэтическую традицию, платоновский Сократ подчеркивает, обращаясь к Ионе: они неизбежно выступают в роли интерпретаторов, доносящих до слушателя поэтическое слово, но в то же время не могут разумно постигать во всей полноте его смысл, не обладая при этом необходимыми «техне». То есть не являются интерпретаторами в том смысле, какой мы вкладываем ныне в это понятие. Ведь, по Сократу, способности рапсода предопределяются лишь экстатическим наитием: «<...> не выучкой, а божественным определением ты — искусный хвалитель Гомера», — бросает философ своему собеседнику (Ион, 536 d).

Таким образом, роль рапсодов-интерпретаторов согласно автору «Иона» — явить сам поэтический логос, как сказали бы в позднейшую христианскую эпоху, благочестиво уклонившись от его рефлексивных истолкований. Проецируя все это на культурный ландшафт нашего мира и несколько провокативно редуцируя смыслы, мы можем сказать, что Платон выявляет в рапсоде — филолога, функция которого — в установлении и репрезентации поэтического текста, но категорически отказывает ему в праве быть рефлектирующим интерпретатором-герменевтом. Эта роль остается в удел отвлеченной мысли самого философа и — шире — философии как таковой. Отсюда начинается сложнейшая диалектика сосуществования филологии и философии как враждующих близнецов, теневых двойников друг друга, каждый из которых утверждает себя в правах за счет своего собрата, но в этом собрате одновременно крайне нуждается.

Заложенное в платонизме враждебное родство филологии и философии в полноте проявит себя, конечно, лишь в Новое время. На протяжении столетий книжность христианского Запада не будет знать их разделения, точнее, в свойственном ей синкретизме философ (богослов) будет неизменно подчинять себе филолога. Ученые книжники эпохи эллинизма, авторы схолий к античным классикам, византийские и латинские отцы-толкователи священных текстов и наследующие им всем эрудиты Ренессанса — это одновременно филологи-критики текста и собственно писатели, чей труд целиком нацелен на реализацию прежде всего, как мы сказали бы сегодня, философской и богословской задачи: выявления целостного, безус-

ловного смысла текста, его мировоззренческого ядра в соотношении с пространством безусловной истины. Отсюда вырастает мощнейшая традиция аллегорической и аналогической критики, иносказательной интерпретации, подчиняющая непосредственный логос, собственно текст внеположенным ему смысловым универсалиям.

Но в XVII в. впервые происходит бунт филологической стихии против своего подчиненного места в такой синкретической конструкции. Филология еще со времен Ренессанса, тех же научных штудий Эразма Роттердамского, постепенно начинает осознавать себя автономной дисциплиной. И отсюда — один шаг до рождения в XVII столетии такого своенравного чада от союза филологии с философией, как «критика» в нашем нынешнем понимании термина [6], высказывание о текстах не с позиции непреходящих универсалий, а с точки зрения обособившегося человека Нового времени, почтенного светского буржуа, который примеряет к литературе критерии уже даже не столько абстрактного, сколько собственного разума и вкуса. В том числе, как сказано в предисловии к «Избранным басням в стихах» Лафонтена, вкуса к «новшествам и увеселениям» («On veut de la nouveauté et de la gayeté») [7, с. 14]. «Субъективная прихотливость» суда над словесностью, которой предстоит столь длинная биография вплоть до наших дней, впервые становится полноправной частью литературной культуры, что закономерно приводит к растворению критика в писателе.

Серьезные же прения между филологией и философией с постоянным проявлением взаимозависимости друг от друга продолжают идти своим чередом, но филология при этом все более настойчиво заявляет о собственных правах.

Методы протестантской богословской критики текста Священного Писания были взяты на вооружение великим германским антиковедом Фридрихом Августом Вольфом, автором знаменитых «Пролегомен к Гомеру» 1795 г. [12] и в сущности отцом-основателем современной научной филологии. И более чем примечательно, что свой сугубо филологический подход он обозначает как сознательно антифилософский, продолжая линию платоновского «Иона» по разведению задач рапсода-филолога и философа-интерпретатора: рассматривая поэмы Гомера как совокупность разновременных варьируемых слоев и тем самым обозначая принципы исторической критики текста, он впервые настаивает на его подвижном, открытом, незавершенном статусе, тем самым взрывая философскую предпосылку оценки произведения с точки зрения окончательной формы, фиксирующей ясно определяемый смысл.

В принципе вольфовская методология в будущем окажется весьма жизнеспособной и всплывет, к примеру, в современной французской

генетической критике школы ИТЕМ (l'Institut des textes et manuscrits modernes). Однако это влияние все же будет отложенным во времени и опосредованным. С точки зрения же непосредственного продолжения линии Вольфа весьма показательным, что такая филологическая экспансия была с энтузиазмом подхвачена философом Фридрихом Шлегелем, который увидел в ней средство исцеления философии от болезни построения искусственных систем². И, филологизируя философию, вел ее от теоретических спекуляций к осознанию того, что сама мысль есть подвижный текст. Вольф в сущности постулирует задачи филологии как науки отказа от понимания смысла текста в перспективе философских универсалий — науки, которая ограничивается критикой текста, его материальной репрезентацией без посягательств на интерпретации. Фридрих Шлегель идет дальше и на этом фундаменте выстраивает в статье «О непонимании» [9] по сути глубоко филологическую концепцию позитивного «непонимания» как охранения темноты и недоступности самых важных для человека явлений жизни и духа³.

Однако философско-филологический маятник продолжал качаться. И на эти радикальные жесты Шлегеля тут же последовала сугубо философская реакция, причем со стороны ближайшего соратника на ниве общего начинания по «филологизации философии» — подготовки первого критического издания полного собрания сочинений Платона в немецком переводе. Имеется в виду Фридрих Шлейермахер, который, отталкиваясь от Вольфа и Шлегеля и вторя Фридриху Асту, настаивает на ключевой важности филологического извлечения и истолкования смысла текста. Так возникает едва ли не наиболее продуктивная для последующих почти двух столетий истории литературоведения модель герменевтического прочтения произведения. Причем наряду со знаменитым парадоксом соотношения части и целого в рамках «герменевтического круга» Шлейермахер предложил две разновидности целого, пересечение которых и рождает собственно адекватное понимание смысла текста: целое как язык и контекст слова или высказывания и целое как жизненный опыт автора, как совокупность его трудов. Этим типам целого соответствуют «грамматический» и «технический» варианты анализа, по Шлейермахеру [10; 5, с. 15–17]. И данный подход с середины XIX в. так или иначе ложится в основу большого числа добросовестных литературоведческих работ даже тех авторов, кто никогда не утруждал себя теоретическими рассуждениями о филологической методологии и не имел представления о Шлейермахере и его герменевтике.

² Подробнее о влиянии Вольфа на Шлегеля см.: [11].

³ Эти аспекты концептуально точно и емко проанализированы в статье: [5].

Однако подобное философическое наступление не могло остаться без ответа. И на исходе XIX столетия такой ответ прозвучал громовой отповедью того же Ницше, который состоялся в качестве философа в очень большой степени именно потому, что, начиная с базельской речи «Гомер и классическая филология» (1869), выступал апологетом возврата к чистой филологии как отказу от реконструкции любой смысловой и формальной целостности, открывающей путь «иллюзорным» интерпретациям. Задача науки, с точки зрения этого филолога-революционера, состоит в выявлении чистой «материальности» искусства и слова, т. е., применительно к литературоведению, — в запечатлении по-дионисийски бликующего, подвижного, неуловимого и принципиально фрагментарного текста. При всей своей экстатической радикальности мысль Ницше глубоко укоренена в традиции: здесь слишком очевидны отзвуки концепции Вольфа, которого «певец Диониса» очень ценил за освобождение филологии от теологии⁴. И она же транслирует эту линию традиции в будущее, в XX в., к позднему Хайдеггеру, совершившему уникальную попытку построить герменевтическую онтологию по чисто филологическим принципам полного отказа от соотнесения реальности Dasein (чистой материальности «здесь-бытия») с универсалиями абсолютного Смысла, Бога и т. п. По сути той же линии наследует широкий веер многочисленных «филологоцентрических» теорий XX — начала XXI вв., покушающихся на «философски» пахнущие концепции единого, выявляемого и безусловного смысла текста: от формалистов до деконструктивизма Деррида, археологии Фуко и теории «присутствия» Ханса Ульрифа Гумбрехта. Собственно философская, шлейермахерская линия также дала обильные плоды в современности благодаря различным вариантам развития герменевтики вплоть до рецептивной школы Ханса Яюсса. Синтез же двух линий в их низовом, вульгаризированном варианте, наследующем возникшему еще в XVII в. феномену субъективно-прихотливой критики, оказался очень податлив к массовой конъюнктуре посттехнократической эпохи и раскрылся широким веером идеологически инфицированных псевдонаучных теорий: гендерной, постколониальной, экологической и прочих критик.

Единство и борьба двух враждующих и нуждающихся друг в друге близнецов — филологии и философии — вроде бы продолжается по сей день. Но уже на качественно ином уровне бесконечных самоповторений, «энергии самопроизводства» [4, с. 155] и девальвации былых смыслов.

⁴ О восприятии Вольфа Фридрихом Ницше см.: [8, р. 69–81].

В результате мы сегодня существуем в ситуации чрезвычайного методологического многоголосия и размывания ценностной шкалы научно-критических подходов, усугубленных институциональным кризисом репутации филологии как самостоятельной науки в ее былом классическом понимании среди элит, определяющих исследовательскую политику.

* * *

Что же делать нам, литературоведам?

Нельзя не согласиться с выводом академика Чжана Цзяна. Свободная от «насильственной интерпретации» «теория зрелой науки должна быть филогенетической, что выражается в двух областях: рассматривая литературу диахронически, она должна применять все существующие достижения в процессе создания теории; рассматривая литературу синхронически — все множество передовых элементов для создания новой системы. Филогения теории подразумевает не только развитие самой теории, но и рост ответвлений — разных направлений и разных уровней внутри теории. Филогения является внутренней движущей силой теории и важным знаком зрелости дисциплины» [4, с. 157].

Но какими конкретными способами реализовать подобные филогенетические подходы в повседневной литературоведческой работе? Не рискуя выдавать всеобъемлющих рецептов, попытаемся предложить одно: отдавать отчет в положении вещей и сохранять верность традиции, причем непосредственно в практической деятельности.

Прежде всего, важно понимать парадоксальную природу разности и взаимоотяготения самостоятельных дисциплин — филологии и философии. И отказ от осознания границ между ними, и желание целиком освободить то же литературоведение от философских вторжений в равной степени чреваты потерями и в конце концов просто нерациональны, поскольку не соответствуют реальности. В том числе реальности традиции.

Думается, что попытки разрешить все множество коллизий, которые возникают в связи с вопросом об интерпретациях в критике, на сугубо теоретической ниве сегодня не особенно перспективны. Филологическая наука слишком утомлена преизбытком теорий.

Гораздо продуктивнее может оказаться другое. Практическая деятельность академических исследователей-литературоведов в большой степени состоит в подготовке научных изданий с сопутствующим аппаратом и аналитическими работами-спутниками памятников мировой словесности и сочинений писателей классиков. Сформированные в наиболее авторитетных мировых научных

центрах текстологические принципы таких изданий в сущности продолжают — с неизбежными модификациями, конечно, но тем не менее! — методологию отца филологии Фридриха Вольфа. Что же касается научного аппарата комментариев и таких исследовательских жанров, как, скажем, научная биография писателя, летопись его жизни и творчества или литературных событий и даже академическая история литературы, то здесь весьма плодотворным оказывается приложение принципов сочетания двух целостностей в герменевтике философствующего Шлейермахера: целостности языка и культурного контекста и целостности биографического опыта автора. Для практической работы академического литературоведа этого достаточно. По крайней мере, для историка литературы и текстолога. И даже специалист по поэтике вполне свободно будет себя чувствовать в рамках того, что Шлейермахер назвал «грамматическим анализом». Иные модели интерпретаций могут быть в целом сознательно отставлены и привлекаться к работе только в частных случаях. Как правило, они оказываются либо тавтологичными по отношению к этим базовым линиям традиции, либо практически избыточными, ненужными.

Такой подход, который мы можем назвать принципом практического консерватизма и редукции методологических систем, конечно, вряд ли станет катализатором концептуально нового в спекулятивной теории литературы. Но, вероятно, это может быть неплохим терапевтическим средством, поддерживающим развитие науки о литературе в целом.

Более чем примечательно, что именно в этой точке способны сойтись тяготения сегодняшних филологов и философов, вдумчиво переживающих переходный характер настоящего, когда исчерпанной оказывается прежняя многовековая парадигма гуманитарного знания, а парадигма новая пока не ощутима. Аналог обозначенного нами подхода некоторое время назад — и применительно к *философии* — предложил в уже цитировавшейся выше работе В. Л. Махлин. Именуя интерпретацию, которая из *средства* понимания обратилась в *цель*, «двойником-самозванцем» [3, с. 556], ученый в ситуации нынешнего тупика гносеологического инструментария призывает заместить этот «дискредитированный» жанр *комментарием* былого наследия. Таким образом размывается главная причина «болезни» интерпретации — гипертрофированный эгоизм критика, поскольку «ино-научной предпосылкой научного комментария является приоритет комментируемого над комментатором» [3, с. 558]. И именно эта форма окажется особо полезной практически, с точки зрения серьезных и глубоких философских вопрошаний, а не игры с симуляциями и симулякрами смыслов, ведь «история философии, как и история

современной гуманитарной науки, может сказать и рассказать нам гораздо больше нового и “современного”, чем все, что способны еще сказать или придумать о них наши современники» [3, с. 558].

Здесь, кажется, философ приходит к тому же «принципу консерватизма и редукции». И отрадно, что именно этот принцип помогает преодолеть распрю с филологией. Две «науки о духе» оказываются способными встретиться, согласиться — и остаться самими собой. Поскольку — вновь сочувственно процитируем коллегу — «философия должна обрести существенную нужду в историко-филологическом исследовании, а филология — в философской принципиальности для того, чтобы стал возможен *выход на границы* своей области на почве *нужды в другом*» [3, с. 548].

Видимо, сегодня такая сродняющая «граница общей нужды» — именно в преодолении интерпретационных соблазнов и практическом академизме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Zontag C.* Мысль как страсть / сост., общ. ред., пер. с фр. Б. Дубина. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. 208 с.
- 2 *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция, 2005. 880 с.
- 3 *Махлин В.Л.* Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 632 с.
- 4 *Чжан Цзян.* О насильственной интерпретации / пер. с кит. Лю Вэньфэя // Октябрь. 2015. № 1. С. 144–159.
- 5 *Ямпольский М.* Филологизация (проект радикальной филологии) // Новое литературное обозрение. 2005. № 75. С. 10–23.
- 6 *Dandrey P.* Naissance de la critique littéraire au XVII-e siècle? // Littératures classiques. Toulouse, 2015. N 86. P. 5–16.
- 7 *Fables choisies, mises en vers par M. de La Fontaine.* Paris: D. Thierry, 1668. 286 p.
- 8 *Porter J. I.* Nietzsche and the Philology of the Future. Stanford, 2000. 449 p.
- 9 *Schlegel F.* Über die Unverständlichkeit // Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe. Erste Abteilung: Kritische Neuausgabe, Band 2. München, Paderborn, Wien, Zürich, 1967, S. 363–373.
- 10 *Schleiermacher F.* Hermeneutics: the Handwritten Manuscripts / Ed. by Heinz Kimmerle. Atlanta, 1986. 252 p.
- 11 *Thouard D.* Friedrich Schlegel: de la philologie à la philosophie (1795–1800) // Symphilosophie: F. Schlegel à Iéna / Ed. par Denis Thouard. Paris, 2002. P. 28–44.
- 12 *Wolf F. A.* Prolegomena ad Homerum sive de Operum homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi. Halle: Libr. Orphanotrophei, 1795. Vol. 3.

REFERENCES

- 1 Sontag S. *Mysl' kak strast'* [The mind as passion], sost., obshch. red., per. s fr. B. Dubina. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1997. 208 p.
- 2 Nietzsche Fr. *Volia k vlasti. Opyt pereotsenki vsekh tsennosti* [Will to power. Experience of reevaluation of all values], per. s nem. E. Gertsyk i dr. Moscow, Kul'turnaia Revoliutsiia Publ., 2005. 880 p.
- 3 Makhlin V. L. *Vtoroe soznanie: Podstupy k gumanitarnoi epistemologii* [The second consciousness: approaches to humanitarian epistemology]. Moscow, Znak Publ., 2009. 632 p. (In Russ.)
- 4 Chzhan Tszian. O nasil'stvennoi interpretatsii [On violent interpretation], per. s kit. [trans. from Chinese] Liu Ven'feia. *Oktiabr'* [October], 2015, no 1, pp. 144–159.
- 5 Iampol'skii M. Filologizatsiia (proekt radikal'noi filologii) [Philologisation: a project of radical philology]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary observer], 2005, no 75, pp. 10–23. (In Russ.)
- 6 Dandrey P. Naissance de la critique littéraire au XVII-e siècle? // *Littératures classiques. Toulouse*, 2015, N 86, pp. 5–16.
- 7 Fables choisies, mises en vers par M. de La Fontaine. Paris, D. Thierry, 1668. 286 p.
- 8 Porter J. I. *Nietzsche and the Philology of the Future*. Stanford, 2000. 449 p.
- 9 Schlegel F. Über die Unverständlichkeit // *Kritische Friedrich-Schlegel-Ausgabe*. Erste Abteilung: Kritische Neuausgabe, Band 2, München, Paderborn, Wien, Zürich, 1967, pp. 363–373.
- 10 Schleiermacher F. *Hermeneutics: the Handwritten Manuscripts* / Ed. by Heinz Kimmerle. Atlanta, 1986. 252 p.
- 11 Thouard D. Friedrich Schlegel: de la philologie à la philosophie (1795–1800) // *Symphilosophie: F. Schlegel à Iéna* / Ed. par Denis Thouard. Paris, 2002, pp. 28–44.
- 12 Wolf F. A. *Prolegomena ad Homerum sive de Operum homericorum prisca et genuina forma variisque mutationibus et probabili ratione emendandi*. Halle, Libr. Orphanotrophei, 1795. Vol. 3.